

На плодах

Тебе сии слова, любезнейшая, новы,
Но слышали стократ то здешния дубровы,
Как я именовал несклонную, стена,
И имя здесь твое на тыквах у меня
Как осенью мороз во тыквы только резнет,
И имя тут мое со тыквами исчезнет,
Минется время тыкв, исчезнут тыквы те,
Исчезнет тут на них и имя красоте³⁸

На лепестке

На листочке алой розы
Я старалась начертить
Милу другу в знак угрозы,
Что не буду ввек любить³⁹

На листочке

Отнесите, ветры,
К ней сухие листья
Пусть прочтет на каждом
«Так он, бедный, вянет,
Так в нем сохнет сердце,
От любви тоскуя!»⁴⁰

Материал может быть не указан, но надпись явно недолговечная

На месте я твоим пред олтарем сижу,
И, тщетно ждя тебя, на все страны гляжу
Везде пишу твое дражайшее названье
И ах! Слезами то смываю начертанье⁴¹

На покрытом инеем стекле

«Теперь прости, милая Элиза, до радостного вечера, в который я тебя увижу — Я видел чей-то вензель на окошке — усеянный блестками сребристого мороза — Я не хочу жив быть, если это не его вензель Тайна, кажется, открылась Предчувствие меня не обмануло»⁴²

Именно к этой идиллической традиции восходит самая знаменитая в русской литературе надпись на «отуманенном» стекле

Татьяна пред окном стояла,
На стекла хладные дыша,

³⁸ Сумароков А П Полн собр всех соч Ч 8 С 57 Надпись на тыкве не является изобретением Сумарокова — она встречается, например, в стихотворении немецкого поэта Б-Г Броккеса (1680–1747) «Тыква» («Der Kurbis»), см *Фолькельт И* Современные вопросы эстетики СПб, 1900 С 212

³⁹ Костров Е И Клятва // Русская литература — Век XVIII Лирика С 284

⁴⁰ Глинка Ф Сетование (С богемского) // Новости литературы 1825 Кн 13 Июль С 55

⁴¹ Модное ежемесячное издание 1779 Ч 1 С 13

⁴² Галинковский Я Часы задумчивости М, 1799 Ч 1 С 52–53 Герой оказался прав, героиня, действительно, любит другого